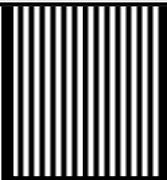

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В XVIII — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции

Биробиджан, 28 ноября 2019

Биробиджан
2020

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
В XVIII — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
Биробиджан, 28 ноября 2019

Под научной редакцией
кандидата исторических наук, доцента П. В. Примака

Биробиджан
ПГУ им. Шолом-Алейхема
2020

УДК 39(063)
ББК 63.5я431
П781

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ПГУ им. Шолом-Алейхема*

Редколлегия:

Примак П. В., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, архивоведения и правовых учений;

Титова Е. В., кандидат исторических наук.

П781 **Проблемы межэтнических и межкультурных коммуникаций в XVIII — начале XXI вв.:** сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Биробиджан, 28 ноября 2019 г. / под науч. ред. П. В. Примака; Приамур. гос. ун-т им. Шолом-Алейхема. — Электрон. текстовые дан. (1 файл: 2,07 МБ). — Биробиджан: ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2020. — 1 электрон., опт. диск (CD-ROM). Системные требования: IBM PC; Acrobat Reader 3.0 или старше. — Загл. с этикетки диска
ISBN 978-5-8170-0394-9

Настоящий сборник составлен по материалам одноименной Всероссийской научно-практической конференции, которая проходила 28 ноября 2019 г. в городе Биробиджане.

Сборник предназначен для исследователей в области истории, религиоведения, этнографии, философии, социологии.

Материалы печатаются в авторской редакции. Ответственность за их содержание возлагается на авторов.

УДК 39(063)
ББК 63.5я431

ISBN 978-5-8170-0394-9

© Авторы статей, 2020
© ФГБОУ ВО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Азаренков А. А. РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ НАЧАЛА XX ВЕКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕУДАЧИ	5
Березницкий С. В. ТУНГУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1927—1928 ГГ. КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	14
Брехова Т. С., Галечко-Лопатина В. Д. ГАЗЕТА «БИРОБИДЖАНЕР ШТЕРН» КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТРАНСЛЯТОР ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ	21
Гайкин В. А. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ (КИТАЙЦЫ—КОРЕЙЦЫ—ЯПОНЦЫ): ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА.....	27
Галечко И. И., Галечко-Лопатина В. Д., Ярославцева А. А. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	31
Жученко В. С. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СИСТЕМА ИХ КООРДИНАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х — НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.	35
Зимакова Е. С. ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	41
Игумен Иов (Чернышев И. А.) СОВРЕМЕННОЕ АНГЛИКАНСКОЕ МОНАШЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА	46
Кадиева С. А. ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗНООБРАЗИЯ	50
Казанбиева С. У., Титова Е. В. ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	54

Кондакова М. А., Сливко С. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1917 Г.	59
Корниловский А. С. К ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КУРДСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА	64
Лойко А. И. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ОСНОВЕ ЛОГИСТИКИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ	70
Лойко Л. Е. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛАРУСИ	75
Медведев В. В., Сорокин В. В. ТРАДИЦИОННОЕ В КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОСТИ	79
Нелюбова А. А. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ	85
Новикова М. О. РАЗВИТИЕ РУАНДЫ В ПОСТ-ГЕНОЦИДНЫЙ ПЕРИОД	89
Павлов А. С., Зязюля И. А. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	93
Примак П. В., Ушакова В. БИРОБИДЖАН КАК ТЕРРИТОРИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ	98
Пучков В. М. ВОСПРИЯТИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ ЭТНИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИИ	104
Рудакова К. Д. ЗНАКИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА	109
Сергоманова А. А. ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРИГИНАЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (АДАПТАЦИИ) КИНОФИЛЬМОВ	115
Сорокин А. А. СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И ФРГ В СФЕРЕ НАУКИ ПОСЛЕ 2014 г.: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	121

К ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КУРДСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Корниловский А. С.

Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко,
Луганск, ЛНР

Ближний Восток как политэтнический регион отличается особой нестабильностью и сверхконфликтностью. Известные события так называемой «арабской весны» 2011 г. ухудшили и без того непростую обстановку в этой части земного шара, обострив многие давние проблемы и противоречия. Одной из таких ближневосточных проблем, резко обострившейся в начале XXI в. стал курдский вопрос.

В настоящий момент курды остаются самым многочисленным народом мира (более 35 млн. человек), не имеющего своей государственности. В силу разнообразных причин территория их исконного обитания оказалась разделённой между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Фактически многовековая история курдов представляет собой историю непрерывной кровопролитной борьбы этого народа за независимость и национальное единство.

Курдский вопрос является одной из ключевых проблем для ведущих государств Западной Азии. Вместе с тем он непосредственным образом затрагивает и интересы мировых держав, в том числе и Российской Федерации. В этом отношении обращение к имеющемуся историческому опыту российско-курдских взаимоотношений представляет несомненный научный интерес, особенно в свете тех событий, которые происходят на современном Ближнем Востоке.

Российско-курдские связи зародились в начале XIX в., в период присоединения к Российской империи Закавказья. Присоединив Грузию (в 1801 г.), Иметрию и Мингрелию (в 1804 г.), Россия окончательно отодвинула свою южную границу за Главный Кавказский хребет и вплотную подошла к владениям султанской Турции и шахского Ирана, вступив тем самым в непосредственное взаимодействие с курдскими племенами.

В это время курды интересовали царское правительство исключительно с военной точки зрения. Не прекращавшиеся на протяжении всего XIX столетия войны России с Турцией и Ираном поставили вопрос и об участии в них турецких и иранских курдов, земли которых примыкали к основным театрам военных действий. Как отмечал впоследствии в своей работе выдающийся

российский востоковед и дипломат В. Ф. Минорский «при каждой войне на Закавказском фронте оживлялся интерес наш к курдам и все без исключения руководители военных действий обращали особое внимание на установление с ними мирных отношений» [1, с. 42].

Начало официальным контактам России с курдскими старшинами было положено в 1804 г. во время русско-иранской войны 1804—1813 гг. На этом этапе имели место переговоры с главами курдских племён, обитавших вблизи русской границы. При этом первостепенное значение российские военачальники придавали установлению прочных связей с курдами Эриванского ханства, вожди которых предоставили свои конные отряды в распоряжение местных персидских властей.

Так, уже летом 1804 г. главнокомандующий в Грузии князь П. Д. Цицианов вступил в переписку с предводителем эриванских курдов Хусейн-агой. В своём письме от 24 июля 1804 г. Цицианов предлагал курдскому вождю перейти на сторону России и принять её подданство. Он обещал ему сохранить за ним все его права и привилегии [2, т. 2, с. 617]. Однако Хусейн-ага не ответил на эти предложения, что в дальнейшем предопределило неудачную осаду русской армией Эривани.

В следующем 1805 г. П. Д. Цицианов был занят покорением Карабахского и Шекинского ханств, а также действиями против вторгнувшихся в Закавказье персидских войск Фетх Али-шаха. Для защиты кавказской границы в Грузии был оставлен небольшой отряд, в составе двух неполных пехотных полков, под командованием генерал-майора П. Д. Несветаева, которому Цицианов поручил вести переговоры с курдскими племенами Эриванского ханства.

В течение всего 1805 г. Несветаев предпринимал неоднократные попытки склонить эриванских курдов к союзу с Россией. Но они также не имели успехов [2, т. 2, с. 625—626, 629]. Более того, в этом году между курдами и русскими войсками произошло столкновение. В связи с постоянными нападениями курдских отрядов на включённые в состав российской территории районы Закавказья, П. Д. Цицианов приказал Несветаеву «действовать против них оружием» [2, т. 2, с. 1032]. Осенью 1805 г. П. Д. Несветаев совершил несколько карательных экспедиций в пределы Эриванского ханства и особенно жестоко расправился с курдами в начале ноября 1805 г. [2, т. 7, с. 630—631].

Подобные экспедиции, по словам российского военного историка генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова, «на долгое время вынуждали курдов прекращать свои набеги в наши пределы» [3, с. 14].

Приемники П. Д. Цицианова — граф И. В. Гудович, генерал от кавалерии П. А. Тормасов, маркиз Ф. О. Пауллуччи и генерал от инфантерии Н. Ф. Ртищев, ведя войну против Персии, продолжали поддерживать весьма деятельные сношения с курдами с целью не допустить их совместных выступлений с персами. Общий характер этих сношений оставался таким же, как и при князе П. Д. Цицианове. «Курдским главарям (вождям — А. К.), — писал Аверьянов, — предлагали добровольный переход в русское подданство, обе-

щая сохранить за ними все их права над подвластным им народом..., старались без крайней необходимости не раздражать их военными действиями, но в то же время не оставляли без сурового наказания ни одного их вторжения и грабежа в наших пределах» [3, с. 20].

В целом, подобная политика вполне достигла желательной для России цели. С этого времени курды стали оказывать царской армии посильную военную помощь. Так, например, в 1806 г. в составе Шакинской конницы курдские всадники участвовали вместе с русскими в овладении Кубинским ханством, а летом 1812 г. содействовали в отражении нападения иранских войск на приграничные районы Закавказья. В октябре 1812 г. вместе с войсками генерала П. С. Котляревского они участвовали в разгроме персидской армии Аббаса-мирзы в битве при Асландузе [2, т. 5, с. 682, 684—685, 690].

В этот же период некоторые курдские племена стали выражать стремление к переходу в русское подданство. Так, в 1807 г. около 600 курдских семей просили у кавказских властей разрешения переселиться им в пределы Закавказья. О своей готовности признать над собой верховенство российского правительства заявили также курды Карадага [4, с. 72]. С окончанием русско-иранской войны 1804—1813 гг. и переходом к Российской империи в соответствии с условиями Гулистанского соглашения в составе прочих земель Карабахского ханства [5, с. 104] среди народов империи оказались и курды, населявшие это ханство.

Русско-иранская война 1804—1813 гг. не разрешила русско-иранских противоречий в закавказском регионе. Персидские правительственные круги не собирались мириться с потерей значительных территорий. Подстрекаемая английской дипломатией, Персия усиленно готовилась к новой войне с Россией. В июле 1826 г. 60 тыс. иранская армия, нарушив условия Гулистанского договора, внезапно напала на Карабахское ханство, намереваясь одним ударом покончить с русским господством на Кавказе.

Во второй русско-иранской войне 1826—1828 гг. ослабевшая персидская монархия не смогла уже в полной мере рассчитывать на курдов, поскольку ещё до войны некоторые курдские племена восстали против Ирана. Так, например, в 1817 г. племя бильбасов, обитавшее в Иранском Азербайджане, открыто выступило против шахского правительства и отложилось от него. В 1825 г., то есть непосредственно перед войной с Россией, произошло восстание курдских племён в районе Сулеймании [2, т. 6, ч. 2, с. 91, 207].

Накануне открытия военных действий иранским военачальникам удалось собрать лишь небольшие контингенты курдских ополчений, не более 5 тыс. всадников. Тем не менее, эриванские и некоторые другие приграничные курды в ряде случаев сражались неплохо и даже наносили поражения российским войскам. Ещё в июле 1826 г. эриванский сердар Хусейн-хан Каджар, «предводительствуя сильными партиями местных курдов», совершал неоднократные нападения на российскую территорию и даже разорил немецкую колонию Екатеринфельд, находившуюся всего в 60 вёрстах от Тифлиса [3, с. 33—34].

В начале сентября 1826 г. более 3 тыс. вооружённых курдов вторглось в Лорийскую степь, разграбив несколько местных селений. В апреле 1827 г. у селения Ай-Гланлу курды нанесли поражение сильному русскому отряду [4, с. 34—35].

Однако в дальнейшей кампании курдская конница вела себя пассивно. Курдским ополчениям было трудно противостоят царской армии, вооружённой более совершенным огнестрельным оружием и в первую очередь артиллерией. Более того, по мере военных неудач Персии, в особенности после захвата русскими в октябре 1827 г. Эривани, многие иранские курды вновь стали обращаться к российским властям с предложениями о сотрудничестве. В частности, на стороне российских войск воевала часть курдов из племени думбули во главе с Кялб Али-ханом. После того, как весной 1828 г. русские военные контингенты заняли город Хой, он был назначен его правителем [4, с. 73].

После победы России в войне с Ираном в 1826—1828 гг. и переходом к ней по Туркманчайскому договору (1828 г.) Эриванского и Нахичеванского ханств [5, с. 140], численность её подвластного курдского населения существенно возросла.

Установившиеся во время русско-иранских войн российско-курдские связи получили своё дальнейшее развитие в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Накануне этой войны и во время военных действий российские военачальники немалое значение придавали обеспечению благожелательной позиции курдских племён, проживавших вблизи русских владений в Закавказье: в Ахалцихском, Карсском, Баязетском и Мушском пашалыках.

В апреле 1828 г., когда начались боевые действия, подавляющее большинство курдов, несмотря на панисламистскую пропаганду, отказалось поддерживать военные усилия Порты. Полный разгром царскими войсками Персии в 1826—1828 гг. произвёл, по словам П. И. Аверьянова, «сильное впечатление на весь Персидский и Турецкий Курдистан» [3, с. 44]. Многие иранские курды ещё до начала войны предлагали русским властям свои услуги для совместных действий против турок [2, т. 7, с. 629].

Что касается турецких курдов, то они, в общей своей массе, не откликнулись на призыв османского правительства выступить на защиту Турции. Эмиры отдалённых от фронта княжеств Южного Курдистана (Бохтан, Равандуз, Хакяри) заняли о своём нейтралитете. Другая часть турецких курдов постаралась уклониться от участия в военных действиях, откочевав в Персию. Лишь незначительная часть курдских племён, которые находились в непосредственном соприкосновении с турецкими войсками, вынуждены были принять участие в войне на стороне турецкой армии [3, с. 45]. Тем не менее, и они не оказали никакой реальной помощи туркам.

Например, курдские ополченцы не приняли никакого участия в защите Баязета при его осаде и взятии русскими войсками 28 августа 1828 г. Спустя некоторое время, 8 сентября 1828 г., в Баязет прибыло около 200 семейств кур-

дов-езидов во главе с Хасан-агой, перешедших на сторону России. Из числа этих курдов был создан особый конный отряд (100 всадников), который принял активное участие в боевых операциях русской армии на Кавказском фронте. В частности, этот отряд отличился при штурме крепости Топрак-Кале [4, с. 50—52]. И в дальнейшем курды из этого отряда отличались своим мужеством и храбростью. В этом отношении весьма интересна характеристика, данная курдам-езидам начальником Эриванского отряда князем А. Г. Чавчавадзе. В рапорте от 15 сентября 1828 г. на имя главнокомандующего на Кавказе графа И. Ф. Паскевича он отмечал: «Куртинцы Хасан-аги всеми мерами стараются доказать свою преданность: они везде первыми бросаются в огонь...» [3, с. 53].

Продвигаясь вперёд, российское командование, вслед за занятием Баязета и Карса, намеревалось овладеть Эрзерумом. Как и прежде необходимым условием для обеспечения своих военных успехов оно считало привлечение на свою сторону курдов. Это, по мнению И. Ф. Паскевича, должно было лишить турецкую армию основной части конницы и, с другой стороны, обеспечить безопасность коммуникаций, тыла и левого фланга русской армии, наступавшей на Эрзерум [2, т. 7, с. 770—771, 775].

Переговоры с курдами начались в январе 1829 г. при посредничестве двух пленных турецких пашей. Курдам были обещаны «хорошие места на Эфрате, в Баязетском пашалыке или в Эриванской губернии» [6, с. 42]. По специальному ходатайству Паскевича российский император Николай I распорядился выделить 100 тыс. червонцев для вознаграждения курдских старшин, если они перейдут на сторону Российской империи [2, т. 7, с. 776].

Однако полностью договориться с курдами о содействии России в войне против Турции Паскевичу не удалось. Важнейшим результатом его политики явилась нейтрализация некоторой части курдского населения Османской империи, что облегчило русским занятие Эрзерума (27 июня 1829 г.) и дальнейшее наступление. Правда, их продвижение к крепости Хнис и далее в чисто курдские земли встретило сопротивление со стороны местных племён. Осенью 1829 г. российские военачальники предприняли ряд карательных экспедиций против враждебно настроенных курдов [2, т. 7, с. 820—821, 823]. Но к концу войны враждебные выступления курдов против русских прекратились.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. ещё раз показала важную роль играла благожелательная позиция курдов к одной из противоборствующих сторон. «Царское золото и агитация Паскевича, — писал советский историк Курд оглу, — внесли в ряды курдов разложение и, в основном, нейтрализовали их активность против русских, что в значительной мере обусловило победу царизма и исход всей войны» [7, с. 97].

Российские военачальники учитывали это значение курдского фактора при определении новой границы с Турцией. В процессе подготовки мирного соглашения с Османской империей И. Ф. Паскевич настаивал на сохранении за Россией стратегически важного Баязетского пашалыка [2, т. 7, с. 788]. Од-

нако Адрианопольский мирный договор (1829 г.) не предусматривал перехода Баязета под юрисдикцию России [5, с. 142]. Выполняя его условия, русское правительство эвакуировало свои войска из аннексированных районов Турецкого Курдистана.

Тем не менее, и после завершения войны многие курды продолжали поддерживать тесные взаимоотношения с кавказскими властями. Всё это создавало условия для политического проникновения России в этот регион и усиления здесь своих позиций.

Список литературы

1. Минорский В. Ф. Курды. Заметки и впечатления. Птг.: типография В. О. Карбаума, 1915. 43 с.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского / издан под ред. председателя комиссии д. с. с. А. Берже. Тифлис: типография главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1868—1875. Т. 2—7.

3. Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1900. XVIII, 338, 135 с.

4. Чатоев Х. М. Из истории русско-курдских связей // Страны Ближнего и Среднего Востока. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1986. Т. XIII Курдоведение. С. 68—92.

5. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / сост. и ред. проф. Ю. В. Ключников и А. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1925. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. VI. 401 с.

6. Халфин Н. А. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М.: Изд. вост. лит., 1963. 171 с.

7. Курд оглу Курды и империализм // Бюллетень прессы Среднего Востока. 1932. № 13—14. С. 93—118.